

Катрина Камбург

Трусиха Мария: бегом через
войну

Катрина Камбург

Трусиха Мария: бегом через войну

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Камбург К.

Трусиха Мария: бегом через войну / К. Камбург — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Всю жизнь я была ужасной трусихой: я боялась и когда мне впервые нужно было перевязать раненых, и когда осталась наедине с расчлененным трупом, и когда меня, беременную, отослали на «секретный объект», за тысячи км от семьи. А когда внучка предложила записать мою историю в виде дневника, я опять испугалась, что это никому не будет интересно. Несколько лет она пыталась переубедить меня, ведь про труженников тыла, которые втихую совершали свои великие подвиги, написано ничтожно мало. И еще она попросила приправить все это секретами долголетия. Что из этого вышло, судить вам. Таллер-Медовая, 95 лет.

Предисловие

Всю жизнь я была ужасной трусихой: я боялась, когда мне впервые нужно было перевязывать раненых, а потом стирать их пропитанные гноем бинты. Я жутко перепугалась, когда осталась наедине с расчлененным трупом на первом курсе медицинского факультета. И когда в начале 50-х меня, беременную, послали работать на «секретный объект», за тысячи километров от семьи и мужа, я тоже боялась.

В общем, я так и прожила свою жизнь обычного советского, а потом российского гражданина: глаза боялись, а руки делали. Пятьдесят лет работы детским врачом пролетели, как один миг, и потом я испугалась совсем другого: остаться на пенсии не у дел, когда меня «попросили» из больницы по состоянию здоровья. Особенно потому, что это совпало со сменой целой эпохи, и не у дел оставались не только больные и пожилые, но и вполне дееспособные люди.

И вот прошло еще двадцать лет уже не столь тяжелой, но совершенно непонятной мне жизни. Только два человека не позволили мне оставаться за ее бортом: дочь и внучка. Да еще несколько верных учеников и благодарные родители уже выросших детей, которых я когда-то вытаскивала из болезней.

И когда внучка предложила мне записать мою историю в виде дневника, который вы сейчас держите перед собой, я опять испугалась, что это никому не будет интересно. Несколько лет она пыталась меня переубедить, аргументируя тем, что столько всего написано про героев ВОВ, а про тружеников тыла, которые не менее, чем те, несли на себе все тяготы войны, голодали, мерзли и, несмотря на все это, работали в две смены, да еще и умудрялись учиться, написано ничтожно мало.

Внучка настояла на том, чтобы я просто повторила поподробнее все, о чем я частенько вспоминала в последние годы, а она бы записывала. Я пошла на это, ни сколочко не считая себя какой-то выдающейся личностью. Но время, в которое я жила, заслуживает того, чтобы напомнить о нем еще раз. А может быть и найти в нем что-то еще, оставшееся незримым для прочих свидетелей.

Что из этого вышло, судить вам.

Мое умирание и воскрешение

Я лежала в своей некогда уютной постели, но теперь она представляла для меня поле боя. Кто кого: либо я, либо моя смерть. В нее мне не очень сильно верилось, хотя доктор Гардвик уверял, что шансов у меня совсем мало.

Но в восемь лет мысли о возможной смерти, когда рядом любящие мама и папа, казались мне какими-то выдуманными и малореальными. Вернее, мыслей у меня тогда почти не было. После нескольких дней отчаянной борьбы они почти испарились, и наступило отупение, смешанное с равнодушием – будь что будет. Хотя пожить еще очень хотелось...

В конце 1920-х скарлатина наступала на Россию, как когда-то в средневековье чума и холера на Европу, забрав с собою множество невинных душ. Зеленый стрептококк, подкашивающий всех, кто попадался на его пути, распространялся и убивал с невиданной скоростью. Врачи оказались против него совершенно безоружными. Раньше как-то удавалось избегать стольких летальных исходов. Считалось, что, поболевав, человек уже приобретал иммунитет, и поэтому беспокоиться было особо не о чем. Но сейчас люди, и в основном дети, гибли, не успевая выработать тот самый иммунитет.

Семья Таллеров приготовилась к худшему. Злостный вирус проявлял себя каждый раз по-разному, словно насмехаясь над знаниями врачей: то он атаковал горло и ноги, вызывая рожистое воспаление, и тогда теплилась надежда, что все обойдется, как было в случае с сест-

рой Бэлой. Но чаще всего он нападал прямоком на сердце, ослабляя ход за ходом все жизненно важные органы: почки, печень, легкие, и наступал мучительный конец.

Видимо, Миррочке, которая в документах именовалась Марией, дабы не испортить всю ее последующую жизнь слишком уж очевидной принадлежностью к еврейской нации, был уготовлен подобный исход. Сил ни на что не оставалось: не хотелось ни есть, ни пить – да в опухшее горло уже ничего и не лезло. Температура не сбавлялась, дышать становилось все труднее – началась интоксикация всего организма...

– Маночка, – ласково обратился ко мне доктор Гардвик на свой необычный лад. – Я постараюсь сделать все, чтобы тебя спасти.

«Я, конечно, ничего не обещаю. Шансов очень мало, но я буду бороться до конца», – потом я услышала едва уловимый шепот, когда он прощался с родителями.

Доктор Гардвик был немцем, сбежавшим со своей родины в предчувствии чего-то очень нехорошего. Мне нравилось, что говорил он со мной, как со взрослой, объясняя каждое свое действие. Я до сих пор помню его белесые, почти незаметные брови, которые хмурились или расслаблялись, в зависимости от того, что он обнаруживал на данный момент. Говорил он хоть и с акцентом, но четко и доходчиво.

– Эта инъекция камфары облегчит работу твоего сердца. Горлышко помажем вот этой мазью, чтобы оно перестало болеть. И водички надо побольше пить, чтобы вся эта гадость выходила. Давай я тебе помогу. Вот так.

Он меня и поил, и гладил голову после всех этих малоприятных процедур, когда его ложка забиралась куда-то далеко за небо, вычищая слизь и гной, а меня чуть не выворачивало наизнанку. Каждый день домашние ждали переломного момента в болезни, а он все никак не наступал.

И, наконец, это случилось. Нет, не улучшение, а резкий спад всей жизнедеятельности. Доктор Гардвик сегодня лишь грустно покачал головой. «Положение очень, подчеркиваю, очень тяжелое, – сказал он родителям, которые в растерянности стояли перед ним навтыжку. – Требуется радикальное вмешательство, или я уже ничем не смогу вам помочь. У Маночки сильно воспалены шейные железы и миндалины. Первые нужно вскрыть, вторые удалить».

Мама Лиза нервно теребила платок, накинутый на вышитое по последней моде бисером платье. «Где же нам найти сейчас хирурга?» Она лихорадочно перебирала в уме все возможные варианты и тут же их отметала. Отец лишь молча сжимал ее локоть. «Я не знаю, где вам искать хирурга, – доктор Гардвик смотрел родителям прямо в глаза, – но единственное, что я вам могу предложить, что я сам сделаю эту операцию».

«Вы? – воскликнули они хором и смущенно переглянулись. – А Вы... Вы умеете?» «Если бы не умел, то и не предлагал бы», – отрезал немец, и они смутились еще больше.

На завтра доктор Гардвик склонился надо мной в новом облиии: с марлевой маской, закрывающей нижнюю часть лица, и очень серьезно сдвинутыми бровями. Он еще раз сосредоточенно осмотрел меня и сказал:

– Маночка, сегодня тебе придется потерпеть, но потом наступит облегчение. Будь умничкой и ничего не бойся.

Я хотела спросить, а насколько будет больно, но сил на этот вопрос у меня не хватило. Все остальное происходило в каком-то полубезразличии, сотканном из нестерпимой боли и желания, чтобы все немедленно прекратилось. Но сопротивляться сил не было тоже. И я терпела.

Вначале я еще пыталась следовать умом за комментариями доктора, который все подробно объяснял:

– Сначала я обезболю вот этот участок. Так, подождем чуть-чуть. Теперь я должен добраться до твоих миндалин, в которых сидит инфекция. Мы же не хотим, чтобы она и дальше тебя травмила, правда? Поэтому сейчас мы их уберем, потерпи капельку.

Но «капелька» обернулась жгучей болью, как будто изнутри отсекали часть горла, и обезболивание почти не срабатывало. Я даже крикнуть не могла, лишь вцепилась вспотевшими руками в простыни и скомкивала их, насколько позволяли мне мои жалкие потуги. «Так, с одним покончено, осталось совсем чуть-чуть». И попытка повторилась.

Но даже когда обе миндалины были удалены, мне не удалось отдохнуть. Оказывается, это была только часть операции.

– Сейчас я вскрыю железы, чтобы через разрез вышли гной и слизь.

Я не знаю, находилась ли я в сознании во время всего этого процесса, или оно периодически покидало меня. Я только видела, как банка, подставленная мне под шею, все наполнялась и наполнялась зелено-коричневой жидкостью.

Наконец, доктор оставил меня в покое. И, несмотря на то, что я была крайне измучена, мне показалось, что дышать стало легче.

Но испытания на этом не закончились. Через несколько дней у меня отказали почки. Доктор предвидел и этот поворот событий, поэтому даже не удивился, когда увидел мой вздутый, как у беременной, живот. «Асцит, – спокойно констатировал он. – Это когда моча практически не выводится из организма». Но и тут он придумал блестящий ход.

Сделав иголкой прокол в животе, он провел от нее трубочку, которая выводила в рядом стоящем тазу все излишки воды.

– Победу праздновать еще рано, – предупредил он родителей. – Эта процедура может оказаться бесполезной, если организм так и не начнет приходить в норму. И все придется повторять.

Однако на этот раз его мрачные прогнозы не оправдались, и я уверенно пошла на поправку, встав с постели спустя месяц нахождения в ней. Единственное, в чем доктор оказался опять прав, так это то, что скарлатина ослабила мое сердце, которое с тех пор уже никогда полностью не восстановилось.

Особая школа и пророчества доктора

Я сильно переживала, что мне пришлось пропустить целый месяц школы. Школа была не абы какая, а экспериментальная, и я ее очень любила. Там, помимо обычных школьных предметов, девочек учили кройке и шитью, в котором я, к слову, не очень преуспевала, готовке и даже бальным танцам!

Нас было поровну: 17 мальчиков и 17 девочек, и все мы были необыкновенно дружными. Кроме того дружили и наши родители, а ведь, несмотря на так называемое равенство, семьи были совершенно разными: семьи врачей, учителей, рабочих и местных богачей.

Тем не менее, никто не чувствовал каких-то социальных различий, ни во время поступления, ни во время учебного процесса. Поэтому я и не хотела ударить лицом в грязь и решила, во что бы то ни стало быстренько наверстать пропущенную программу.

Родители мне в этом особо не могли помочь: мама Лиза (нареченная Лея) – добрейшая женщина, обладающая множеством достоинств, которые непременно пригождались в семейной жизни. Но она была абсолютно не образованна, то есть официальную школу никогда не посещала. Откуда она умела читать – а в доме всегда было множество книг, к которым мы все имели пристрастие, – для меня до сих пор остается загадкой. Она даже изобретала слова, и никто не ставил под сомнение их право на существование.

Папа Миша – а по-настоящему Мойше Абрамович – шуплый невысокий мужчина уже переступивший свой сорокалетний рубеж, хоть и являлся личностью совсем не темной, стремящейся к постоянному культурному развитию, но в школьных делах тоже мне был не помощник. Он работал на лесозаготовках в пригороде Воронежа, в семье местных богачей, для которых стал непререкаемым авторитетом. Ему настолько доверяли, что весь процесс добычи

древесины из множества принадлежащих им лесных гектаров, лежал полностью на нем. Никто его не контролировал, и семья не уставала нарадоваться столь толковому и надежному работнику, разбиравшемуся одинаково хорошо и в древесине, и в людях. Однажды жена хозяина заявила: «Дядя Миша, пожалуйста, впредь никаких баночек со своей едой. На обедах мы хотим видеть Вас за нашим столом».

Отец был для меня не только ориентиром, но и безотказной поддержкой. Когда я озвучивала свои стремления, он всегда относился к ним с пониманием, воспринимая меня не просто, как свою дочку или несмышлёную младшеклассницу, а как вполне сложившуюся личность со своими желаниями и мечтами.

Кто еще оказал на меня немалое влияние, так это доктор Гардвиг, который продолжал меня навещать. Под предлогом осмотра, он засиживался со мной за долгими беседами и делился наблюдениями.

Он поведал, как быстро развивается официальная медицина. Он предвидел – и спустя несколько десятков лет его предсказания полностью подтвердились, – что скоро наступит эра медицинских центров с продвинутым оборудованием. И медики научатся предупреждать многие болезни с помощью открытия различных вакцин, которые спасут жизни множества людей. Но в то же время и многих погубят. Он предчувствовал, что совсем скоро появятся новые поколения препаратов, которые смогут бороться со многими болезнями (в те времена в СССР даже пенициллин еще не открыли).

Но есть у этой ситуации и обратная сторона медали: у лекарств будет множество побочных эффектов, которые станут источником новых проблем со здоровьем. Добро может обернуться злом, особенно если использовать эти фармацевтические изобретения неразумно и чрезмерно, и перекладывать на них ответственность за свое здоровье.

Говорил он и о том, как важно соблюдать режим дня, пить много воды. Как важно не переедать и в то же время питаться разнообразной пищей, а не выбирать себе два-три любимых блюда и ими ограничиваться. Но и тот факт, что целые поколения питаются в рамках одних и тех же представлений, для него не означал правильности. Он имел в виду потребление говядины, свинины и прочих мясных деликатесов, таким образом, деликатно намекая на вегетарианство.

Не уставал он повторять и про физические нагрузки – не просто в огороде поработать и прогуляться до колодца, а именно целенаправленные, на разные участки тела. Но и перенапрягаться не советовал.

Он также был уверен в том, что врач должен быть многопрофильным и видеть пациента целиком, а не поделенным на отдельные органы, чтобы не потерять связь между причиной и следствием.

Пожалуй, его беседы и зародили во мне желание стать врачом, таким земским доктором, живущем при народе и с народом...

Вскоре доктор исчез. Поскольку он жил один, никто не кинулся его сразу же искать. А потом стали ходить слухи, что его арестовали – на дворе свирепствовали 30-е, когда Сталин и его прислужники подозревали всех и каждого в шпионаже. А уж немцев – как пить дать. Мне было грустно потерять такого друга, собеседника и спасителя в одном лице. Тогда я еще не подозревала, что это будет одна из первых в страшной череде потерь.

Семейные тайны

Еще до женитьбы мой папа купил остов дома. Сохранился документ с отцовским каллиграфическим почерком – это при том, что в школу он никогда не ходил, – где подробно описано, сколько и каких материалов было приобретено для его становления. Потом этот дом

постепенно достраивался, да так, что соседи заглядывали и дивились, какой невиданный проект затеял мой отец.

Сам дом был не очень большой, но уютный. В салоне две стены были выложены плитам – по тем временам неслыханное нововведение. Зимой они всегда были теплыми, так как по ним проходило тепло от установленной в коридоре печи. В туалете красовался мраморный умывальник – помню, как мама Лиза всегда содержала в чистоте эту семейную гордость.

Другим предметом всеобщего восхищения являлся бамбуковый туалетный столик: в стенках его красиво переплетались прутья бамбука, а поверхность полок была похожа на мягкий мох, который приятно льнул к руке.

Мама Лиза прекрасно вписывалась в этот замысловатый интерьер – красивая молодая хозяйка, всегда в элегантных платьях, то с расшитым поверху бисером, то с открытым декольте, но никогда не в халате или домашних тапочках. Их познакомили, когда ей еще и двадцати не было, и она полюбила не только своего ненаглядного Мишу, который другим мог показаться тщедушным и совершенно невзрачным, но и всю его огромную семью, а точнее еще одиннадцать братьев и одну сестру, ради появления которой дети все множились, и семья разрасталась.

Таллеры не прогадали: появление младшенькой Любы привнесло в мужское население дома особую радость. Она такой и выросла: веселой, шаловливой, невероятной болтунишкой, которой многое прощалось ее старшими братьями. Вот и сейчас, несмотря на то, что она уже была замужней женщиной, что налагало статусом некую степенность, она влетела в наш дом как весенний порыв ветра, не признающий никаких преград на своем пути.

Сегодня был традиционный воскресный обед, на который собирался основной костяк семьи. Иногда мы всеми располагались в гостиной, но когда была хорошая погода, обед переезжал в сад, где столы расставлялись прямо под сенью деревьев.

Сад у нас был замечательный: все, что только могло вырасти в нашем регионе, было высажено и возвращено там с любовью. Фрукты, овощи, ягоды и цветы. А в глубине жили курочки, гуси и даже корова с грустно-понятливыми глазами.

А еще мы выезжали летом на пикник около сельскохозяйственного института. Там был потрясающий пейзаж, и мы располагались прямо посреди него: в душистых луговых цветах, которые плавно переходили в лес. В коридоре всегда стоял наготове для этого случая чемоданчик, в который складывалась снедь на всю семью.

Но сегодня мы остались дома, поскольку нас ожидал сюрприз. А пока что первой ворвалась Люба со своим мужем Израилем, чью руку она тут же выпустила, чтобы весело перепархивать с места на место, заливаясь смехом, словно птичка щебетун. Она рассказывала, ни на минуту не умолкая, то анекдоты, то местные сплетни. А потом и вовсе принялась петь.

Незаметно вошедший брат Виктор – директор одного из городских кинотеатров, в который он частенько нас зазывал – подыграл ей на пианино, а потом, видимо не удовлетворившись результатом, взял в руки гитару. Вместе они представляли красивую пару, одаренную и пышущую задором.

Потом подошли еще пять братьев, некоторые с женами. Все они жили в одном дворе, который служил им местом встречи. Там они обсуждали городские новости, играли в шахматы и договаривались о воскресных встречах.

Но главное событие дня должно было произойти после обеда, поэтому сегодня все как-то немного торопливо ели, словно пытаясь побыстрее покончить со столь незначительной по сравнению с предстоящим событием процедурой.

И вот послышался стук двери: « Ура, приехали!», – закричали мы с Бэлой и наперегонки бросились в коридор. Через минуту в гостиной появились дядя Толя и его красавица жена, настоящая актриса. А он – эпатажный исполнитель оперетт. Появление их в Воронеже каждый раз вызывало ажиотаж – это ведь было достаточно редкое явление, так как большую часть вре-

мени они проводили на гастролях за границей. Когда они ненадолго возвращались отдохнуть в родные пенаты, их тут же приглашали выступить в местных театрах и кинотеатрах. Однако первым делом они заходили в наш дом.

Ольга, жена Толи, никогда не приходила с пустыми руками. Вот и на этот раз мама Лиза получил в подарок изящный сервиз нежно-голубого цвета, переходящего в бледно-коричневые цветы, и пакетики с освежающим ароматом для белья.

В своих путешествиях они возили за собой огромный сундук, набитый артистическими костюмами. На обратном пути они под завязку нагружали его местными тканями, из которых шили очередные костюмы, а на подарки и безделушки места оставалось совсем мало. И все же они всегда привозили с собой что-то символическое. А уж выбирать им было из чего: они по пол–года, а иногда и по году выступали в Японии и Китае – такая экзотика нам даже не снилась! Когда они приходили, то дом еще больше оживлялся, вскоре дядя Толя не выдерживал и садился за пианино, а жена подыгрывала ему в опереточных сценках. Самое же интересное начиналось, когда они, усаживаясь за вечерний чай, вспоминали казусы, происходящие с ними в путешествиях, но тут, увы, меня с сестрой ждала незавидная участь:

«Дети, уже десять, вам пора спать», – провозглашала мама Лиза тоном, предупреждающим все возражения, и нам ничего не оставалось, как отправляться в свою комнату. Ах, как хотелось в те минуты побыстрее стать взрослой!..

Первым забрали дядю Виктора. С тех пор в прихожей поселился чемоданчик с заготовленными отцовскими вещами, на случай, если «придут». А в том, что придут – никто уже не сомневался. Безоблачные годы, в которых прошло мое детство, навсегда остались позади.

Чудачества сестры и страшные 30-е

Его я прозвала паралитиком. И никак не могла понять выбора сестры: страдающий какой-то неизлечимой болезнью, с походкой «от груди», не способный связать и двух слов, хотя его квартира вся была забита книгами. Возможно, на это Бэла и клюнула: для нее всегда были важны внешние проявления статуса, а что было за ними, ее мало волновало.

Квартира и в самом деле считалась престижной – в красивом месте прямо в центре Воронежа. Но нынешний ее обладатель в интерьер совершенно не вписывался, он являл собой как бы отдельный, нелепый элемент цельной картины. Скорее всего, квартира досталась ему от родителей, и своей руки он к ней не приложил.

Я думала, что отца хватит инфаркт, когда мы вернулись домой после знакомства с женихом. «Доченька, опомнись, – молил он. – Тебя же ничего не может связывать с этим человеком, вы такие разные! Где ваша точка пересечения? Ты же жизнь себе ломаешь! Тебе так важно жить в центре города? Тебе нужна независимость? Но не такой же ценой! Хочешь, я тебе построю отдельную комнату, целый пристрой сделаю, лишь бы ты не совершала этой роковой ошибки!»

Но Бэла была непреклонна, она наслаждалась своей властью над таким жалким теперь отцом, который валяется в ее ногах. Ей едва исполнилось девятнадцать, и она, так и не получив родительского согласия, расписалась со своим паралитиком. А через девять месяцев вернулась обратно в отцовский дом, уже с грудничком на руках.

Отец не стал ее отчитывать, тут уж не до нравоучений. Лишь стиснул зубы: «что ж, поставим твоего Тольку на ноги». Задача, к слову, предстояла не легкая. Шел 1935-й год. На страну наступил голод. Я полностью погрузилась в учебу и мало чего замечала вокруг. А новоиспеченную мамашу нужно было кормить самым лучшим. Так у нас не стало коровы, как не жаль было ее грустных, всепонимающих глаз. Потом очередь дошла до гусей и кур.

Мы сначала никак не могли понять, в чем же дело, неужели на страну нашел такой неурожай. Потом ситуация разъяснилась: раскулачивание, которым так рьяно занялся товарищ Сталин, принесло свои плоды. Малых хозяйственников сослали или расстреляли, их хозяй-

ства разграбили, хотя официально все раскулаченное отдавалось народу. Вот и последствия не замедлили проявиться. Хотя, может быть, здесь сыграла роль и тогдашняя политика экспорта зерна. Наверняка мы ни о чем тогда не знали, как не знаем, впрочем, и сегодня.

Открыто высказывать свои мысли никто не рисковал, но я частенько слышала, как перешептывались мои родители: покою пришел конец. Из соседей постоянно кого-то арестовывали, в шпионы и враги народа записывались совершенно невинные люди, а уж евреи попадали под эту категорию в первую очередь.

И началось мучительное ожидание, что «вот-вот придут». Напряжение росло с каждым днем. А моя сестра опять учудила. Не успела она оправиться после первого неудачного замужества, как на горизонте появился очередной жених, которого наличие грудного ребенка ничуть не смутило. Очень бы хотелось заподозрить его в джентльменских намерениях, но реальность оказалась хуже, чем мы могли предположить.

Бэла не делала никаких выводов из прошлого опыта, и на этот раз ее выбор пал на механика Костика, который еще до женитьбы декларировал свое главное пристрастие жизни – выпивку. Работник он был хороший, работал по вызовам, а между клиентами обожал пропустить рюмашку. В результате в конце рабочего дня он, хотя до дома и доходил, но денег частенько не доносил. Они все таинственным образом исчезали посреди пути. А Бэла тем временем уже ждала очередное пополнение новой семьи.

В воздухе стояла напряженная атмосфера. Хотя обстановка с питанием немного выровнялась, вдоволь мы все равно не наедались, полки магазинов были полупустыми, все куда-то сновали с мешками, запасались. В народе поговаривали: войны не миновать.

Наступил 1940-й. В этом году я оканчивала школу и особенно усердно корпела над учебниками: почти все экзамены мне удалось сдать на «отлично». Выпускной вечер больше напоминал прощальный бал, хотя нарядами мы там особенно не блистали, но танцевать умели и любили. Родители накрыли что-то в стиле фуршетного стола, откуда-то взяли давно забытые по тем порам деликатесы. А на следующий день я уже несла документы в медицинский институт на отделение педиатрии – мой выбор был предопределен еще со времен знакомства с доктором Гардвиком.

Конечно, летом мне еще удалось порезвиться – это было последнее беззаботное время в моей жизни. Тогда были модными открытые площадки, где крутили вальсы и фокстроты, и я бегала туда чуть ли не каждый день. У меня даже появились два ухажера. Один, хотя и был приятным молодым человеком, но ничем меня не зацепил. Он усердно приглашал меня, то в клубы, то в кино, даже представлял своим родителям, но мой интерес к нему вскоре угас. А второй, Саша, сразу завоевал мое сердце.

Мы с ним помногу гуляли и беседовали на самые разные темы. Он тогда уже доучивался в институте лесного хозяйства. И скоро я стала встречаться с ним на правах невесты. После танцев мы подолгу стояли в тени аллеи, благоухающей липой и сиренью, и безудержно целовались. Начинался новый этап моей жизни – юность, от осознания чего у меня кружилась голова в предвкушении предстоящих свершений, планов и чего-то прекрасно неведомого.

Могут ли уроки анатомии пригодиться на войне

Первый урок анатомии в институтской анатомички мне запомнился на всю жизнь: я отводила глаза от расчлененного трупа, и меня неудержимо мутило. Я попыталась заткнуть нос, чтобы заглушить приступы тошноты от запаха формалина и еще чего-то примешанного, что именовалось смертью.

Профессор заметил мои поползновения и строго заметил: «Хотите быть медиком, отставьте платочек в сторону. В противном случае Вам лучше сменить будущую профессию». Это был вызов. И я его приняла. После его слов всю мою тошноту сняло, как рукой, и на сле-

дующий раз, когда мы уже шестой час находились в анатомичке, я преспокойно перекусила прямо под боком у трупа.

Хорошо сдать анатомию стало для нас делом чести. Естественно, на медицинском было множество других непростых предметов, но анатомия для нас являлась лакмусовой бумажкой: сгодишься или не сгодишься для дальнейшей учебы. В общем, наша группа не подкачала.

А дальше началась война. Аккурат в день, когда мы с этой анатомией наконец-то расправились и, довольные, шли по аллеям, строя планы на ближайшее будущее. День был такой яркий и радостный, мы шли такие воодушевленные, вздохнувшие с облегчением после года напряженной учебы, что известие с запада, которое добралось до нас только к обеду, контрастировало с реальностью настолько, что нами не воспринималось.

Утром объявили, что будет какое-то сообщение, но само сообщение озвучили значительно позже. Мы стояли на улице, будто получив обухом по голове. «Что? Война?» – и хотя слухи о подобном исходе ходили уже не первый год, но поверить в этот было невероятно трудно, ведь надежда, что все обойдется, теплилась в каждой семье, а Сталин культивировал ее с особым рвением. «Как же так допустили? Ведь Молотов и Риббентроп...»

Я бросилась домой, в такие моменты надо держаться всей семьей. Домашние тоже находились в ступоре, а из динамиков все несло: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Получается, когда мы узнали о войне, Брест уже всю бомбили. Весь день мы пробродили растерянные, двигаясь, как сомнамбулы, и на автомате выполняли какие-то домашние дела.

Пока мест было непонятно, как действовать дальше, я, ведомая духом патриотизма, отправилась на следующий день в военкомат. Там, не сговариваясь, уже собралась вся наша группа девчонок с медфакультета педиатрии. Вообще народу было не протолкнуться, но наконец-то очередь дошла и до нас.

«Чем вы можете пригодиться фронту?», – с испытующим взглядом обратился к нам офицер, который был чуть старше нас. Возникла пауза. «Мы анатомию знаем!», – вдруг выпалила активистка Настена, и офицер, не удержавшись, прыснул в кулак. «Ну, анатомия ваша, положим, не пригодится. По этой части к трупам, а вам предстоит иметь дело с живыми людьми. С ранеными обращаться умеете?», – он опять пробуравил нас серьезным взглядом. Мы потупились.

«Вот что, девоньки, хотите принести пользу фронту, отправляйтесь сейчас в военный госпиталь и разузнайте, нужна ли там ваша помощь. Все, идите».

В госпитале нужды в нас пока не было, и нас отпустили домой, пообещав, что как только мы понадобится, нам дадут знать.

К слову, нам повезло больше, чем мальчишкам, с которыми я выпускалась. Их призвали в тот же день, но мы их, конечно же, не видели. Их было семнадцать. Ребята, полные надежд на будущее, но и решимости, что они на это будущее смогут повлиять. Ни один из них не знал, как обращаться с оружием – в школе их учили быть предупредительными кавалерами и вести своих дам на танец. Их не учили держать гранаты, разбирать и собирать винтовки, быстро реагировать на воздушную тревогу, зарываться в окопы. Они умели защищать свои точки зрения, изучая научные теории. Но не умели защищать свою собственную жизнь.

Чуть позже их родители получают на руки повестки – выдернутые из школьных тетрадок листы, в виде треугольников: «погиб смертью храбрых» или «пропал без вести». Но в основном получали первый вариант. Говорят, ребята в первую же неделю попали в окружение, из которого пути назад не было. Их было семнадцать – всего-то семнадцать из двадцати растерзанных миллионов, но таких близких, милых и до боли беззащитных. И им навсегда останется по семнадцать...

Вскоре появились вести из госпиталя: привезли первых раненых. Стоял жаркий июль, в другие времена мне бы радоваться каникулам, а я добровольно отдалась в санитарки, хотя

понятия не имела, что и как делать. Сокурсниц своих я там не встретила, но скучать мне не давали.

Сначала в мои обязанности входило кормить раненых. Кому-то из них хотелось выговориться, и они рассказывали, кто про свои семьи, оставленных родителей или невест, а кто про саму войну. Контуженные ничего не рассказывали, многие из них продолжали воображать себя на поле боя и орали на всю палату благим матом.

Потом я начала выполнять мелкие поручения: кому-то письмо написать, кому-то судно подставить. Ни лекарств, ни бинтов не хватало, и я взвалила на себя еще одну обязанность – стирать бинты, пропитанные кровью и гноем. Сначала было страшновато и немного противно, ведь все приходилось делать руками, но вскоре я и к этому привыкла.

Сашу моего тоже призвали. Правда, для начала его направили на восток, на обучающие курсы, чтобы он не стал очередным пушечным мясом, как это происходило по первой с новобранцами. Мы попрощались долгим поцелуем и заручились обещанием, что будем ждать друг друга, где бы ни находились.

Тем временем, вести с фронта приходили неутешительные: враг приближался, а наша армия терпела ужасные потери. Слово «потеря» – единственного числа, сухое и казенное, а вмещает в себя горе тысяч, сотен тысяч семей, оставшихся без сыновей, мужей и отцов. Постепенно страшная реальность начала доходить до нашего сознания – нам тоже может прийти конец, и в самое ближайшее время.

На второй курс я не пошла, об этом не могло быть и речи. Я каждый день бегала в госпиталь, а отец все больше утверждался в мысли: надо бежать. Мама Лиза поначалу пыталась отговорить его от этой мысли: как же, мол, дом, такой уютный и родной, выстроенный своими руками? Сад, скотинка, кошка с собакой? Куда нам бежать? Кто нас ждет? Как нам все это бросить? Жалко. Нам же негде будет жить. Страшно.

Отец вдруг проявил несвойственную ему упертость и твердо стукнул кулаком по столу: «Лизонька, очнись, о чем ты? Нам бы себя спасти. Детей. Внуков. У Бэлки вон третий на подходе. А ты про скотинку беспокоишься. Ну лишимся мы этого дома, так другой выстроим. Ты все еще питаешь надежду, что все обойдется? Зря! Не немцы достанут, так свои сдадут, мы же евреи, забыла?»

И это была страшная правда. Милости нам ждать было неоткуда, разве что от Бога, но в него официально никто не верил. Вообще-то отец ходил тайком в закрытую синагогу. Закрытую, потому что про нее, кроме людей ограниченного круга, никто не знал. Там он молился, соблюдая традиционные иудаизму ритуалы, возвращался домой с мацой* (бездрожжевые плоские, пресные лепешки, символизирующие исход из Египта – освобождение из рабства), завернутой в тряпье, чтобы никто не заподозрил, куда он ходил поздней ночью. Но находясь в отдалении от дома, на строительных работах, про свое еврейство он, естественно, не вспоминал.

Мое соприкосновение с религией было еще более поверхностным: я несколько раз бегала в красивую, всю отделанную золотом, церковь. Песнопения хора захватывали душу и пробуждали неведомые чувства. По праздникам в церкви было особенно оживленно, и моя подружка все повторяла: «как же мне нравится тот парень, вон посмотри, во втором ряду. Какой у него божественный голос... Вот только бородку бы эту ужасную повыдергать, да обрить его».

Однако, помнится, в начале 30-х нас вывели оттуда длинной колонной, когда мы стояли на утренней службе. Еще не было и шести, солнце едва прорезывалось сквозь линию горизонта. «Не приближайтесь, сейчас эту церковь будут взрывать», – предупредил нас неизвестный товарищ.

«Зачем?», – хором воскликнули мы, пораженные спокойствием, с которым он это заявил. «Распоряжение поступило», – отрезал он, и тут же послышался взрыв...

«Не гневи Бога, – любил повторять отец, и на этот раз не забыл заключить свои доводы традиционной фразой. – Главное, живыми выбраться отсюда, только вот как?»

На днях к нам зашел дядя с военного завода, о чем-то пошептался с отцом, а потом громко заявил нам с мамой: «Не беспокойтесь, милые дамы, я вас в обиду не дам. И своих перевезу, и вам помогу». Он имел в виду, что поможет с эвакуацией. Руководство приняло решение перевезти весь военный завод, вплоть до последнего винтика, в тыл. Ближайшим, относительно спокойным местом, посчитали город Казань.

«Вот и решилась наша судьба», – безропотно прошептала мама, и в уголках ее глаз заметила слезинки. С одной стороны ей, конечно же, хотелось видеть свою семью в безопасности, но бросать любимый дом, в который было вложено столько заботы, где каждая деталь, начиная от элегантного пианино и кончая бамбуковым столиком, подбиралась с особым вниманием; дом, с которым были связаны лучшие воспоминания, и где была дана жизнь двум дочерям, ей представлялось невероятно трудным испытанием...

Самолет, перевозивший всю финансовую часть и делопроизводство военного завода, взорвался в воздухе. И дядя вместе с ним. Поговаривали, что это диверсия, и все было подстроено. Кем? Для чего? Сейчас это значения не имело. Мы опять остались не у дел, но у отца уже созрел план действий.

Поскольку в середине 30-х семью, на которую он работал, раскулачили, отец устроился работать на стройтресте. Очень быстро его повысили до заведующего и постоянно представляли к премиям, как отличного работника. Стройтрест этот имел непосредственное отношение к заводу. А значит, мы имели законное право на эвакуацию. Это было неслыханная удача, поскольку обстановка стала настолько беспокойной, что люди были готовы бежать без всякого поезда и вещей, в чем есть.

Конечно, соседи нас уговаривали остаться и схоронить у себя, «если что». Но папа, почему-то, в эту возможность не верил. И началась подготовка к отбытию.

Бегство

В 2014-м году правительство Германии, спустя несколько лет после постановления, выплатило бежавшим евреям, оставшимся в живых – а таких, как вы понимаете, остались единицы, – компенсацию в две тысячи пятьсот евро. Во столько было оценено все, что мы потеряли: дома, сады, скот, имущество, родственников, мирную жизнь, весь наш уклад, работу и учебу, планы на будущее... Конечно, и на том спасибо, другие вообще ничего не получили, а тут на старости лет небольшая подмога к пенсии, которая считается ниже прожиточного минимума в любой развитой стране мира. И уж тем более в той же Германии, которая вышла из войны победенной. Не парадокс ли: жить в стране-победителе, где каждый год президент присылает на 9-е мая открытку: «Мы перед вами в неоплатном долгу», и влачить полунищенское существование. Мы – те, кто оказался в тылу, – и к войне, как будто бы, имеем малое отношение...

Мама перебирала каждую вещичку, и слезы неудержимо лились из ее миндалевидных глаз. В пятый раз она разбирала и вновь собирала сумки и торбы: вещей получалось больше, чем было разрешено: «помните, брать только самое необходимое», – звучал в наших ушах указ.

А как все дорогое сердцу, нажитое за долгие годы, можно уместить в две сумки на взрослого человека? И еще ведь есть Бэлины дети, которым предстояло остаться без любимых игрушек. Ладно, маленькая Эммочка пока ничего не понимала, ей недавно два годика исполнилось, а Толику стукнуло уже шесть, и он давал всем жару. Да и сама Бэла была почти на девятом месяце, лишь бы ей в поезде не пришлось рожать...

Я ревела вместе с мамой, оплакивая нашу уютную жизнь, в раз сжавшуюся до размеров нескольких торб. Мы опять перебирали любимые вещички, сервизы, вазы, одежду, белье, и отставляли все это в сторону. Впрочем, каждый занимался своим «сектором», мне предстояло расчистить мою комнату. Вернее, комната так и останется, как и была, даже учебники и книги

будут стоять на своем месте. Мама лишь настояла, чтобы я захватила документы и мое красивое пальто с горностаевым белым мехом – надвигались холода.

Начались бомбежки. Каждый день мы забирались в погреб во дворе дома и отсиживались там, пока не давали отбой. Как только становилось относительно спокойно, мы бежали на левый берег Воронеж-реки* (приток Дона), где в два часа с немецкой педантичностью бомбили в пересменок военный завод. Рядом на моих глазах высотный дом раскололся на две части, в «осколке» виднелась детская кровать и горшок, только хозяев там уже не было видно...

Возвращались мы через Кольцовский сад, куда выводила наша улица Кольцовская. Раньше между клумб и тенистых аллей там любила гулять молодежь, а на скамеечках сидели бабушки с детскими колясками. Сад разворотило прямым попаданием, в кустах мы обнаружили детскую ножку, и желание там появляться у нас пропало.

Как в этой обстановке удалось разобрать и перенести весь завод по эшелонам, мне оставалось непонятным, ведь для немцев он являлся стратегической целью. Наконец, роковой день настал.

Кошка Фурия – для своих Фурия – сидела на подоконнике и грустно наблюдала, как мы грузили вещи в грузовик. Дом, словно живое существо, прощался с нами укоряющей тишиной. На дверь мы повесили маленький, чисто символический замок.

Я рыдала, видя, как верный пес Рекс мчится за грузовиком, не отводя от нас своих умных глаз, будто понимая, что мы НАВСЕГДА бросаем его, и, пытаясь хотя бы еще лишнюю минутку удержать взглядом образ любимых хозяев.

Папа беззвучно шевелил губами: я знала, он так молится.

22-го октября 1941-го года мы покинули Воронеж. Параллельно шли два эшелона: в одном – весь разобранный завод, в другом – мы. Исходя из военных целей, первый был ценнее. Как немцы в нас не попали до сих пор остается для меня загадкой, ведь добычей мы были достаточно легкой. Наверное, невольные молитвы всего поезда поставили защитный щит, сквозь который не проникали немецкие бомбы.

Бэла была на сносях, с ее огромным животом приходилось считаться всему вагону. Ей и место дали получше, и чем-то постоянно подкармливали. Хотя еды у нас поначалу было вдоволь: нам удалось захватить банки солений и варений – небольшая часть того запаса, что оставался в кладовых дома.

В дороге мы были месяц и неделю. Можно было бы за пару дней преодолеть расстояние в тысячу километров, но мы постоянно пропускали военные эшелоны, шедшие на фронт. Главное, что нам удалось выбраться из-под бомбежки, а уж на задержки никто не роптал, хотя время тянулось томительно медленно.

Но опять же – нам крупно повезло, потому что мы ехали, и в относительно терпимых условиях. Тех, кто к заводу отношения не имел, на поезде не сажали, и люди бежали в прямом смысле этого слова, где на попутках, где пешком. О вещах и речи не шло – беженцы пытались спасти свою жизнь.

Нам встречались бесконечные толпы, шедшие с запада страны. Измученные долгой дорогой, но окрыленные надеждой. Тяжело было осознавать, что мы ничем не можем помочь этим людям, которым досталось гораздо больше потерь и испытаний, чем нам.

На этот раз отличился Толька. Начальник поезда, как и повелось после небольшой стоянки, когда мы справили свои нужды – туалета в поезде, естественно, не было – крикнул подниматься. Мальчишка был еще тот шалун, он все время крутился под ногами, но сейчас его вдруг не оказалось. Не было его ни в вагоне, ни на полустанке, ни на территории поблизости. Мы ходили и всех встревожено спрашивали: «Мальчика не видели? Мальчика не видели?». Никто не видел, но соседи повылезали из вагонов, и весь эшелон, как один, несмотря на риск, что состав вот-вот тронется, бросился его искать.

А Толик, оказывается, просто решил подшутить. Забрался за пригорок, сидел там тихо-нечко и посмеивался. Ох, и влетело ему от матери, когда его, наконец-то, нашли. После этого я все вспоминала «паралитика» и размышляла: намучается Бэлка с этим парнем, потому как шутки у него для шестилетнего, были злые. Понятное дело, что он еще ребенок, ему хочется играть, баловаться, озорничать, перетягивать на себя внимание, но что-то неотвратимое, что ученые прозвали генами, сидит в нем и тянет в сторону тьмы...

Папа так переживал, что Бэле придется рожать в поезде, что обошел все вагоны, чтобы найти какого-нибудь врача или медсестру, но никого, кроме меня с одним курсом медфакультета, не нашлось. Однако Бог услышал его молитвы, и роды начались ровно в тот день, когда мы прибыли в Казань.

Казань

Мы стояли на перроне и не могли сдержать слезы: брошенный дом с налаженным бытом, сорок дней утомительного пути, – неужели все для того, чтобы приехать в этот мрачный неуютный город, с пронзительным ветром, грозными тучами и серым удручающим пейзажем. Конечно, город был не виноват: стояли последние дни ноября, и возможно тот же Воронеж в глазах приезжего выглядел бы ни более приветливым.

Все дело было в нашем настрое. И в контрасте действительностей. Отец метнул на семью строгий взгляд: «Не гневите Бога!» – и первым зашагал в сторону грузовика, куда нас «упаковали» вместе с вещами. Через полтора часа нас уже разгружали перед бараками, где нам предстояло жить.

Это была улица Сталинградская, впоследствии Ленинградская. Развернувшаяся картина настолько повергла нас в шок, что даже на слезы уже не хватило сил. Друг за дружкой были воткнуты безобразные строения, называемые бараками. Сначала мы немного обрадовались, когда узнали, что нас вселят в трехкомнатную квартиру, но наша радость уменьшилась, когда туда было втиснуто еще шесть семей, помимо нас. И пообещали, что если потребуется, то нас уплотнят опять.

Ни туалета, ни горячей воды там не было. Единственный на несколько бараков туалет – на улице, с характерным запахом и обледеневшим наростом кала. Холодная вода – из колонки, в десяти минутах ходьбы. Ракумойник – в коридоре, один на все комнаты, представлял собою раковину с резервуаром над ней, куда надо было воду влить, а из ведра под ней – вылить. В комнате – кровати в два яруса, на десять взрослых. Дети должны спать вместе с родителями. Старый тухлявый шкаф, один на всех, и разваливающиеся стулья. Кухни не было вообще, поэтому мама Лиза приноровилась готовить на керосинке, прямо на письменном столе, который мы обнаружили на помойке и принесли в дом.

В соседней комнате обитало еще три семьи на десять человек. В третьей, малюсенькой, только одна семья: мама, папа и двое детей. Они были из местных, которых в большинстве своем отсюда расселили. Ах да, еще была недействующая ванна, в которой спала женщина-милиционер.

Горевать нам особо было некогда: спустя два часа после расселения Бэла отправилась рожать. А я уже на следующий день получила повестку появиться на заводе. Завод находился в пятнадцати минутах ходьбы от нашего барака, его монтировали прямо на ходу из всего того, что перевезли на эшелоне, и назывался он, конечно же, не военный завод, а почтовый ящик 735 (сейчас это 16-й моторостроительный завод).

Мне объяснили, что завод в стадии монтирования, но много времени это не займет, и как только все будет готово, мне надо будет явиться опять. Моим желанием там никто не интересовался, да и сами мы понимали, что это – наша цена за эвакуацию. Наступили время, когда

собственного «я» не существовало. Была одна общая цель – победить врага, и ни о чем другом помышлять было нельзя.

Придя на завод, я пыталась вдохновиться поставленной задачей, ведь в конечном итоге мы помогали фронту. Но процесс мне совсем не нравился. Меня поставили работать в плавильный цех. Думать там не требовалось: ходи с прибором в руках и выполняй монотонную работу, которая заключалась в том, что я должна была проверять температуру выплавленных деталей для мотора самолетов. Меня предупредили, чтобы я была очень осторожна, речь шла о тысячи градусов, что грозило мгновенным ожогом до кости. Данные я должна была тщательно записывать, вплоть до десятых долей, иначе моя ошибка будет стоить кому-то жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.